

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Оформление серии и иллюстрация
на обложке *П. Петрова*

Лавряшина, Юлия Александровна.
Л13 Авернское озеро / Юлия Лавряшина. —
Москва : Эксмо, 2019. — 544 с. — (За чужими ок-
нами. Проза М. Метлицкой и А. Борисовой).

ISBN 978-5-04-102054-5

Денису очень повезло в этой жизни: он красивый юноша, многие женщины влюбляются в него, его отец богат, и кажется, что Денис делает только то, что хочет. Но за внешним благополучием скрывается море проблем. Мачеха приглашает в дом психиатра — негласно последить за пасынком. Между врачом, прагматичной молодой женщиной, и ее пациентом вспыхивает любовь. Они уже не могут друг без друга, но будет ли им хорошо вместе?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102054-5

© Лавряшина Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Часть

первая

Глава 1

Когда она только начала спускаться к пляжу по нескончаемой перекрестной лестнице, налетел встречный ветер. Как бы Соня ни поворачивалась, он яростно дул ей в лицо, словно пытался отогнать от того места, куда ей необходимо было попасть. Но Соня была не из тех, кто, покоряясь стихии, ломает собственные планы. Собрав разметавшиеся волосы, она подумала, что выглядит сейчас как молодая ведьма, и в то же мгновение поймала внимательный ясный взгляд снизу. От волнения она не успела разглядеть лица, знакомого лишь по фотографии, но, хотя человек на пляже тотчас отвернулся, у Сони даже не возникло сомнений, что это именно он. Тот, кто ей нужен.

Как и предполагалось, он был в компании, состав которой оказался идеален: три девушки и три парня. Соня мимолетно затосковала — ей никогда не нравилось протискиваться сквозь толпу. Плетеная корзина с большим ярким полотенцем и бутылкой минеральной воды шершаво терлась о ногу, будто ласковая корова без усталости гладила ее языком. Соня спохватилась, что кожа может покраснеть, и взяла корзину другой рукой. В ее задачу входило выглядеть сегодня безупречно.

Уже на берегу, неслышно ступая по разбитым бетонным плитам, она все не могла решиться: подо-

браться к этой компании поближе или, напротив, занять позицию стороннего наблюдателя. Но рассудив, что каждый наблюдатель рискует остаться в этой роли на всю жизнь, широким взмахом растелила полотенце на сухих, отвратительно скребущих ноги камнях. Когда Соня скинула юбку, один из компании оглянулся, и хотя глаза его прятались за темными очками, ее кожа невольно съежилась под этим взглядом. Это рассердило Соню. Она-то была уверена, что давно научилась высушивать мужские взгляды, как холодные капли после купания. Снимая майку, Соня отвернулась, но все время, пока собирала на затылке непослушные волосы, чужое тепло скользило между лопатками, заставляя поводить плечами. Но, повернувшись так резко, что нога больно провалилась между камнями, она едва не ахнула от разочарования. Никто и не смотрел на нее. Тот, кого она только что собиралась как следует отбрить, словно мальчишка скакал по пляжу, боксируя с приятелем, и, казалось, никого больше не замечал на свете. Обмякнув, Соня вдруг почувствовала себя старой, уже неспособной так дурачиться и хохотать во весь голос. Но, вспомнив, что и в пятнадцать лет не умела этого, успокоилась.

Соня улеглась на живот и, уткнувшись в согнутый локоть, стала сквозь полуопущенные ресницы наблюдать за теми двумя. Остальные ее не интересовали: фон редко привлекает внимание. Лишь на миг Соня перевела взгляд на них и задумалась, что может заставить человека смириться с такой ролью? В голове возникла песенка, с утра звучавшая на «Русском радио»: «Это любовь. Это точно! Это любовь. Ну да, конечно!» Соня сердито мотнула головой. При чем здесь любовь?! У этого парня есть деньги, вот все и крутят-

ся возле него. Ей предстояло сделать шаг и влиться в этот плотный хоровод...

Что-то ударило сзади, мгновенно разогнав Сонину дремоту. Не вставая, она оттолкнула прижавшийся к боку шершавый мяч и снова закрыла глаза, пытаюсь усмирить предательское дрожание век. Это была единственная вещь, с которой ей никак не удавалось справиться. Остальное было натренировано и отлажено, как хороший механизм. Но это нервное трепетание ресниц всегда выдавало Соню, когда ей хотелось притвориться спящей. С самого детства, когда они с родителями спали в одной комнате.

На лицо легла тень, и Соня снисходительно хмыкнула про себя: прибежали извиняться. Но могло выйти и по-другому... Она незаметно нащупала сухой, неприятный на ощупь камень и зажала в руке — совершенно бессмысленный жест, и Соня это понимала, ведь камешек был слишком мелким, чтобы справиться с теми, кто попал в нее волейбольным мячом. Она стиснула кулак и, открыв глаза, перевернулась на спину.

Заслонивший солнце парень, тот самый, что обернулся, когда она раздевалась, присел, расставив крепкие загорелые колени, и его смеющийся взгляд быстро метнулся от ее лица к груди и обратно.

— Ух ты! — вырвалось у Сони, и, совсем как в сказке Каверина, у нее с размаху куда-то ухнуло сердце. Даже в детстве она не верила в сказки, но эти читала, потому что в них все было почти как в жизни, и все же случались чудеса.

— Что-что? — переспросил он и чуть склонил голову, отчего Соне опять захотелось вскрикнуть: «Ух ты!» — потому что сердце снова бешено забилося. Пока на нем были темные очки, она ничего не разгляде-

ла. Но теперь он сидел так близко, что Соня узнала бы его и на ощупь. Человек из ее забытых фантазий...

— Извини, я нечаянно в тебя попал, честное слово. — Голос у него был таким, что у любой женщины похолодели бы пальцы.

Собрав все мужество, Соня сухо ответила:

— Ничего. Не такой уж и сильный у вас удар.

— Почему ты говоришь мне «вы»? — удивился он.

— Разве мы знакомы?

— А что мешает нам познакомиться?

Его тонкие губы, в уголках которых таилась усмешка, вынуждавшая каждого улыбнуться в ответ, медленно растянулись, и между ровными зубами проглянула щербинка. «Диастема, — хладнокровно отметила Соня. — Говорят, это примета лгунов». Устремленные на нее узкие, сложенные лукавыми треугольниками глаза вспыхнули серым искристым светом. Прямые брови нависали над ними так низко, что издали сливались в одно темное, живое, затягивающее пятно, от которого невозможно было оторваться. Соня попробовала — и не смогла. Нос у него был узкий, прямой и чуть вздернутый, по нему хотелось провести кончиком пальца. Широкое в верхней части лицо стремительно суживалось к одновременно упрямому и нежному подбородку, выбритому так гладко, словно и щетина-то на нем еще не росла. Темно-русые волосы, не слишком густые, были зачесаны назад в лучших традициях американских гангстеров и русских бизнесменов. На пляже он собрал их в хвостик, придав своему облику оттенок богемности, но несколько коротких прядей выбились и смешно топорщились за ушами. В широком разлете его плеч чувствовалась безудержная вольная сила. На левом кожа покраснела от солнца, и оно стало похоже на спелое эдемское яблоко.

— Ваша компания скучает без вас, — сказала Соня, стараясь глядеть на реку, в мутном течении которой то и дело поблескивало солнце.

Словно подтверждая Сонины слова, черноволосая девушка пронзительно крикнула:

— Дэник, мы уходим. Ты с нами?

— Нет, — отозвался он, не обернувшись. — Я остаюсь.

Соня с сомнением повторила:

— Дэник. Что это за имя?

— Это она меня так зовет, — пояснил он с видимой неохотой. — Вообще-то, мое имя — Денис. Денис Зимин.

Соне ничего не оставалось, как назвать себя. Ей всегда был неприятен этот момент, потому что собственное имя казалось невероятно глупым. В самом деле, как человек может зваться соней?

— Жену Толстого тоже так звали, — зачем-то добавила она.

— Правда? Я не знал...

— Вы не учились в школе?

— Ты. Пожалуйста, говори мне «ты». Так привычнее.

— Кому как. Наверное, у меня слишком хорошее воспитание.

Порыв ветра взлохматил выбившиеся пряди. Зимин откинул их, и Соня уловила запах жаркого пота. Ей захотелось втянуть его изо всех сил, но она была не из тех, кто охотно идет навстречу собственным желаниям. Но от этого парня исходила какая-то «беспашная сексуальность», которой было сложно сопротивляться.

— Да уж, — невесело усмехнулся Денис и отер влажное лицо, — с воспитанием у меня не очень... В общем-

то, с определенного момента у меня и не было никакого воспитания. Но я ведь уже не маленький, теперь я сам себя воспитываю.

В груди возникло нечто похожее на жалость, но Соня сразу спохватилась: стоит один раз кого-нибудь пожалеть... Все, чего можно добиться в жизни, зиждется на отрицании жалости к любому человеку. Кроме родителей, конечно... Она не забывала делать такую оговорку, чтобы однажды не упустить это из виду.

Пытаясь рассеять случайную слабость, Соня огляделась и с удивлением заметила:

— Смотрите-ка, а один из ваших друзей все еще здесь.

Денис присел на край ее полотенца и тихо сказал:

— А он и не уйдет. Он на работе.

— Как это? Он что — спасатель?

— Вроде того. Это мой телохранитель.

— Кто?!

— Телохранитель. Ну человек, который меня охраняет, — запинаясь, пояснил он.

— Да я знаю, кто такие телохранители! А... вы? Кто вы? А! — у нее расширились глаза. — Зимин... Вы — банкир?

Он испуганно вздрогнул:

— Нет. Упаси бог... Я всего лишь его сын.

— Сын... Что же вы здесь делаете?

Он удивленно заморгал, сдвинув темные брови. Потом осторожно произнес:

— А вы считаете, что я веду себя... неприлично?

— Нет, что вы! А почему вдруг на «вы»?

— Сам не знаю. Вы так странно отреагировали. Мне стало как-то не по себе. Почему я не могу здесь находиться?

«О господи, почему мне так жаль его?!»

— Ты можешь находиться где угодно, — как можно мягче произнесла Соня. — Действительно глупо, что я так перепугалась.

Денис осторожно стянул с волос резинку и откинулся на полотенце.

— Ты не кажешься трусихой...

— Когда-то я даже прыгала с парашютом.

— Нет, правда? — Он закинул руку и прикрылся от солнца. На пушистых волосках под мышкой вспыхнули быстрые искры. Соню потянуло поймать их ладонью, но она даже не шелохнулась.

— Правда. Это было давно, еще в школе. Я воспитывала характер.

— И как?

— Удалось.

— Почему я не додумался до такого? — с сожалением сказал Денис. — Высоты я не боюсь, но воспитать характер мне бы не помешало.

«С такими деньгами можно обойтись и без характера», — хотелось ей съязвить, но обижать его раньше времени было нельзя. Соня решила, что это всегда успеется.

— Я еще не встречал девушек, умеющих летать... А теперь ты чем занимаешься? Укрощаешь тигров? — спросил он, выглядывая из-под руки.

— Все гораздо прозаичнее. Я — врач. Работаю в частной клинике.

Денис негромко присвистнул:

— Ничего себе! Тогда действительно надо обращаться на «вы». И по имени-отчеству.

— Нет уж, теперь не надо. Я уже освоилась. А ты, конечно, не заканчивал института?

— Почему — конечно? Я выгляжу идиотом?

«Вот дура!» — наспех обругала себя Соня и как можно убедительнее произнесла:

— Нет, ты выглядишь слишком юно.

— И совсем я не выгляжу юно, — уголки его губ превратились в две грустные ямки. — А как раз на свой двадцать один год.

— Я думала, ты моложе, — продолжала настаивать Соня.

— Совсем не то ты думала...

Денис сел рядом с ней и опустил голову так, что волосы рассыпались, полуприкрыв лицо. Соня крепко зажала ладони между колен, потому что ее тянуло заправить своиравные пряди за уши.

— Ты думала: везет же этому болвану! Ни учиться не надо, ни работать. Ведь по всему видно, что папочка его любит. Телохранителя приставил... Такому здоровяку еще и телохранителя!

Соня жалобно возразила:

— Я не думала этого.

— Конечно, думала. И ты во многом права. Я хотел поступить в институт, стать зоологом.

— Почему же не поступил?

— Отец сказал, что зоолог — это не профессия. Смешно тратить на это нервы и время. Он хотел, чтобы я выучился на экономиста. В результате я не стал ни тем, ни другим. Потом он открыл для меня магазин автомобильных запчастей. Но меня это несколько не интересует. Вообще-то, всем там заправляет мой дядя, а я так... Сбоку припеку. Мне даже не обязательно появляться там каждый день.

— Ты — откровенный человек, — с недоверием заметила Соня и подумала, что ей самой и в голову бы не пришло исповедоваться перед первым встречным.

Наверное, родители не зря забили тревогу, с этим мальчиком определенно что-то не так.

Денис резко повернул к ней встревоженное лицо:

— По-твоему, откровенный значит ненормальный?

— Думаешь, я устанавливаю диагноз? Я не психиатр, успокойся. Я — кардиолог. Вот если б у тебя было что-нибудь с сердцем...

— С сердцем у меня все в порядке, — безразлично отозвался он.

— Откуда ты знаешь? Иногда человек и не подозревает...

— До сих пор я его не чувствовал, значит, все в порядке. Разве не так?

— Это слишком упрощенно.

— Вот-вот, — подхватил он с тревогой, — отец тоже всегда говорит, что я вижу мир простым, как детский кубик. Но это не так. Я все понимаю, честное слово!

«Не хватало, чтоб он сейчас еще заплакал! — испугалась Соня. — Совсем ребенок...» И добавила, подражая Денису:

— Честное слово! Он так и будет там сидеть? — Она взглянула на телохранителя, который не спускал с них глаз.

— А что? Пусть сидит. Он тебя раздражает?

— Я не привыкла находиться под наблюдением.

— Он все равно не уйдет, — вздохнул Денис. — Его нанял отец, а не я. Если он меня чересчур утомляет, я просто от него сбегаяю. Но, в общем, я привык к нему, он хороший парень. Мы друзья. Хочешь, я тебя с ним познакомлю?

И, не дожидаясь согласия, окликнул:

— Андрей, я хочу тебя представить.

Когда телохранитель поднялся, Соня произвольно отшатнулась — так дохнуло от него неприяз-

нюю. А в ней самой тут же всколыхнулось отвращение к его рыжеватым крупным кудрям, ровному чуткому носу, бледным широким губам и отчужденному взгляду профессионального соглядатая. Потому что Соня с детства была приучена давать сдачи. Даже когда на нее только собирались напасть.

— Думаешь, мне было скучно одному? — спросил телохранитель, усаживаясь напротив Дениса.

— Ему не бывает скучно, — кивнул Зимин. — Он — счастливый человек.

Соня могла бы поспорить, что временами Денис ненавидит своего вынужденного друга, но, поскольку спорить было не с кем, она ограничилась замечанием, что каждый счастлив по-своему. Денис взглянул на нее с интересом и спросил, что делает счастливой такую девушку, как она. То, как он это произнес, уважительно выделив слово «такую», было несколько старомодно и так наивно, что Сонино сердце опять предательски дрогнуло.

— Сейчас уже ничего, — откровенно сказала она. — А раньше те самые прыжки... Но я уже давно не занимаюсь этим.

По реке с треском промчалась моторка, разгоняя волны.

— Что? — переспросила Соня, оторвав взгляд от реки. — Я не расслышала, что ты сказал?

— Нет, ничего. — Денис мотнул головой, и непослушные волосы опять упали на лицо.

Но ей не послышалось, он что-то сказал. И оттого, что эти слова были перекрыты шумом мотора, они наполнились тем особым смыслом, который всегда чудится в том, что нам не суждено узнать.

Она взглянула на Андрея, но тот, как Медный Всадник, был исполнен невозмутимости.

— Вас подвезти? — обратился он к Соне, поймав ее взгляд. — Мы на машине.

Она хотела было ответить, что пока не собиралась уходить, что у нее отпуск и можно валяться на пляже хоть до заката, что с завтрашнего дня синоптики обещают дождь, но вместо всего этого сказала:

— Да, подвезите меня, если не трудно.

Денис озабоченно огляделся:

— Я где-то разулся... Ты не видел?

— Там, на траве. Принести?

— Издеваешься? Я еще могу передвигаться.

Когда он отошел, Андрей пробормотал:

— Все прошло как по маслу. Уверен, что он ничего не заподозрил.

— Значит, вы меня узнали? Как?

— Нина Викторовна хорошо вас описала.

— Могу себе представить... Но как вы подстроили, чтобы Денис меня заметил?

— А это уж не моя заслуга. Вас нельзя не заметить. Денис бы уж точно не прошел мимо.

— Он — бабник?

Андрей холодно переспросил:

— Как вы сказали?

Соне пришлось сменить тон:

— Он много времени тратит на женщин?

— Не без этого...

— Конечно, с таким-то телом!

— Красавчик, правда? — Он вдруг по-свойски подмигнул. — Но вы на работе, не забывайте.

— Вы бы лучше за него побеспокоились. — Его слова задела Соню.

— А за него беспокоиться нечего, — спокойно возразил Андрей. — Вы — психиатр, все в ваших руках. Даже если он увлечется... А он, уж конечно, увлечется!